

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

ДАНИЭЛЬ Л. ДЖЕНСЕН

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Д40

Danielle L. Jensen

A CURSE CARVED IN BONE (Saga of the Unfated #2)

Copyright © 2025 by Danielle L. Jensen

All rights reserved.

Перевод с английского Юлии Журовой

Иллюстрации на переплете и форзацах *Chakiryska*

Дженсен, Даниэль Л.

Д40 Проклятие, вырезанное на кости / Даниэль Л. Дженсен ; [перевод с английского Ю. Журовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-243344-3

После предательства Бьорна Фрея вынуждена отправиться на север, в Нордланд. Земли, которые холодны так же, как ее обманутое сердце. Ярл Снорри ни за что не позволит своему ключу к победе оказаться в руках врага и скоро подойдет к северным берегам. Меж двух огней Фрея должна оставаться стойкой, чтобы выжить и не поступиться принципами.

Однако боги не любят, когда люди идут против их воли. Страшное пророчество начинает сбываться, кровь Хель берет верх, и Фрея уже не уверена, что ее народ заслуживает милосердия. Дитя двух богинь, кто она теперь — щит для Скаланда или проклятие, которое уничтожит всех?

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

© Журова Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243344-3

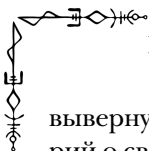
Шторм налетел без предупреждения, атакуя драккары и отгоняя нас от скалистого берега с такой яростью, что, должно быть, сами боги не хотели, чтобы мы пересекали пролив. Пока норды боролись с бушующими волнами, все мои восторженные представления о славе морских походов были быстро развеяны холодом. Сыростью. Но больше всего — бесконечной рвотой.

Не моей, поскольку я была привычна к морю, но содержимое желудков почти всех остальных, включая рабов Харальда в капюшонах, заполняло корпус корабля. Лучше пробираться через рвоту, чем перегибаться через борт и рисковать быть сметенным разъяренным морем.

— Каким же это будет разочарованием, — кричала я сквозь раскаты грома и шум бушующих вод, — если все ваши заговоры и планы окажутся напрасными и мы закончим свои дни на дне моря!

Все на борту устали на меня, хотя во взгляде Торы не было ничего угрожающего, учитывая, что в этот момент из ее рта хлынула рвота. Я рассмеялась и прислонилась к корпусу, где сидела под тюленьей шкурой, защищенной моей магией, чтобы брызги не проникали внутрь.

— Или, возможно, даже не такая славная смерть, которую дарует Ньёрд, а смерть от того, что ваши внутренности

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

вывернутся наружу. Я слышала столько грандиозных историй о свирепости нордов, но вы выглядите просто жалко.

— Она когда-нибудь затыкается? — спросил Харальд Бьорна. Конунг Нордланда не миновала морская болезнь, отчего его терпение понемногу иссякало. Я одарила его лучезарной улыбкой и была вознаграждена хмурым взглядом.

Но Бьорн, неподвластный волнам, лишь склонился над веслом, которое сжимал в руках. Что было прискорбно. Если кто и заслуживал того, чтобы почувствовать горький привкус желчи, так это он и его лживый язык.

— Ты не будешь знать покоя, отец, — наконец ответил Бьорн, и мышцы его спины напряглись под туникой, когда он изо всех сил начал грести. — Но я напому тебе, что ты сам навлек на себя ее гнев.

Челюсти Харальда сжались. Вместо ответа он лишь налег на свое весло, напрягая слабые руки. Даже конунг Нордланда не был освобожден от необходимости грести в этом кошмаре, требовались все силы на то, чтобы не сбиться с курса. Северный пролив был печально известен тем, что уносил жизни, и владениям Ньёрда не было дела до власти конунгов.

Как и до детей богов.

Волна захлестнула драккар и ударила мне в лицо с такой силой, что стало больно. Грудь сковал страх, потому что дышать в этом ледяном потоке было невозможно. Корабль накренился и заскользил по провалу между волнами, мрак глубин, казалось, потянулся ко мне. Я цеплялась за все, за что могла ухватиться, ногти царапали дерево, в ушах звенело от воплей рабов, которые потеряли опору. Падение означало смерть, потому что в бушующем море не было спасения.

И все же страх сменился тоской, когда я пристально смотрела на темную воду. Она шептала слова, обещавшие избавление от горя, разрывавшего мое сердце. От ярости, терзавшей мою душу. От одиночества, наполнившего ну-

тро, ведь я потеряла все, что имело для меня значение, включая мое предназначение.

Море потянулось ко мне, и мои пальцы ослабили хватку, разбитое сердце жаждало передышки от боли. Хотело погрузиться *вниз, вниз, вниз*, во тьму.

Только для того, чтобы я крепче сжала их, когда в моей голове раздался шепот Хель:

Зачем сдаваться, если у тебя есть сила вернуть все, что должно быть твоим? Сила вернуть все, что у тебя украли?

У меня нет такой силы.

Ее смех был тихим и в то же время громким, как раскаты грома в моей голове. *Ты повелительница смерти, дочь. Все, кто дышит, боятся твоей власти.*

Я не хочу, чтобы меня боялись.

Перед моим мысленным взором предстала улыбка, слегка изогнувшая губы и обнажившая кости. Это зрелище заставило мое сердце заколотиться, но именно от ее слов руки превратились в лед. *Страх — это оружие, с помощью которого ты добьешься того, чего хочешь.*

Драккар выровнялся, избежав угрозы затонуть.

Я смахнула соль с глаз, не уверенная, были ли это слезы или морская вода. Грохот моего пульса не имел ничего общего с тем, что я оказалась на волосок от смерти.

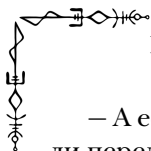
Страх — это оружие, с помощью которого ты добьешься того, чего хочешь.

Чего я хотела?

Я не знала, но бурлящий во мне поток эмоций требовал выхода. Мой взгляд остановился на Стейнунн, ее выворачивало наизнанку от качки, и я закричала:

— Скальд, ты напишешь песню об этом путешествии? Если да, пусть она будет называться «Сага о морской болезни». Или, может быть, «Тошнотворный набег». Нет... «Песнь о блевунах»!

— Замолчи! — закричала Скади со своего места, ее алые волосы разметались по лицу. — Заткнись, ты, крикливая сука!

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

— А если я откажусь? — Я дико расхохоталась, когда Скади передала весло сидящему рядом с ней рабу, и в ее руках появился сияющий золотой лук. То самое оружие, которым она убила мою мать. — Пронзишь меня стрелой? Бросишь за борт?

Она подняла лук, накладывая на тетиву смертельную зеленую стрелу, которая никогда не промахивалась.

— Сделай это! — Крик вырвался из моего горла. Не из-за желания быть убитой, а потому что я хотела, чтобы она почувствовала ту же неуверенность, которая терзала мою собственную душу. — Я позволяю тебе сделать это!

Скади лишь туго натянула тетиву, в ее сверкающих голубых глазах отражалось множество чувств — нерешительность не входила в их число.

У меня пересохло во рту от внезапной уверенности, что я своей бравадой погубила себя. Но оружие исчезло, когда Харальд рывкнул, приказывая ей держать себя в руках или отвечать за последствия.

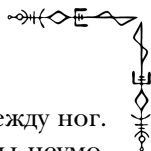
Не заботясь о том, что мой смех звучит безумно, потому что в любом случае это было лучше, чем рыдания, я закричала:

— Вы все стольким пожертвовали, чтобы выкрасть меня, что, думаю, я могу говорить все, что захочу, а вам придется слушать! У вас нет выбора, кроме как терпеть мои слова. Вы хотели меня? Я вся, черт возьми, в вашем распоряжении, так что радуйтесь! Наслаждайтесь плодами своего труда!

Скади бросилась на меня, размахивая маленькими кулачками.

Хотя я сама напросилась, она все равно удивила меня. Ее кулак врезался в мою скулу и отбросил назад. Я ударила головой о мачту, в глазах вспыхнули звезды, а руки Скади потянулись к моему горлу.

— Тебя нужно уничтожить, — кричала она мне в лицо. — Ты чума, дитя Хель!

Я резко подняла колено и впечатала его ей между ног. Она взвизгнула от боли, но не отпустила, пальцы неумолимо сжимали мое горло.

Затем Бьорн схватил Скади за талию. Он оттащил ее, но в ответ она выплеснула свой гнев на него, и все превратилось в хаос.

Рабы отшатнулись, когда эта пара влетела в них. Дракар застонал и накренился, погрузившись в накатившую волну. Вода обрушилась на меня, тяжелая и безжалостная. Все вокруг опрокинулось, и я покатилась, перед глазами замелькали дерево, волны и почерневшее небо.

А потом руки схватили меня за запястья, кожа Бьорна жарко прижалась к моей, когда он придавил меня к днищу корабля.

— Ты хочешь, чтобы мы все погибли?

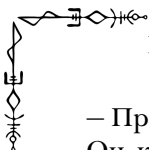
— Да! — закричала я, пока остальные боролись с веслами. — Именно этого я и добиваюсь!

— Если ты умрешь, то никогда не получишь ответов! — Он удерживал меня на месте, пока я вырывалась и пыталась ударить его коленом по яйцам. — Ты никогда не узнаешь правду!

— Не говори мне о правде!

Чтобы избежать моих коленей, он протиснулся между моих ног и прижался бедрами к моему тазу, пока корабль раскачивался. Против моей воли в голове пронеслись воспоминания о произошедшем в пещере, когда счастье казалось возможным. Воспоминания о его губах, прикосновениях, члене глубоко внутри меня, когда он сделал меня своей. И мои предательские желания нахлынули вопреки страху и логике, похоть игнорировала то, что желанный мужчина — мой враг.

Только ярость могла прогнать это желание, и я потянулась к своему гневу, освобождая всю жестокость, порожденную болью в моем сердце. Обхватив ногами талию Бьорна, я прижалась к нему и насмешливо произнесла:

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

— Правду, которая вернет тебе это?

Он крепче сжал мои запястья, когда драккар сильно качнуло, и я уперлась каблуком сапога в его спину, чувствуя, как он прижимается ко мне.

— Правду, которая вернет тебе твою красавицу Фрею, чтобы ты мог жениться на ней?

Подняв голову, я поцеловала его, прикусив зубами нижнюю губу так сильно, что он отшатнулся.

— Чтобы ты мог стать фермером? Чтобы у тебя были красивые дочери, похожие на нее? Правду, которая обещает тебе старость в ее объятиях?

Я швырнула мечту, которую он подарил мне в пещере, прямо в лицо, наслаждаясь вспышкой боли в его глазах, потому что хотела, чтобы ему было так же невыносимо, как и мне.

— Нет такой правды, которая вернула бы меня тебе, потому что ты лжец. Предатель. Чертов трус, который не заслуживает того, чтобы увидеть Вальхаллу!

— Ты думаешь, что знаешь все, Фрея, — сказал он. — Но ты не знаешь ничего.

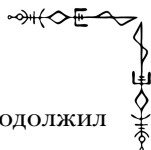
Я плюнула ему в лицо:

— Я знаю, что буду ненавидеть тебя до последнего вздоха, Бьорн. И это уже кое-что.

— Можешь ненавидеть меня сколько хочешь. — Он отпустил мои запястья. — Но твой последний вздох случится не сегодня, Огнерожденная.

Я смотрела, как он возвращается к веслам и присоединяется к остальным, пытающимся провести драккар сквозь бурю.

— Всеотец видит все, что было, и все, что предначертано Норнами. — Харальд перестал грести, и его серые глаза встретились с моими. — Сага — его дитя, а знание — его дар. У других провидцев могут быть ответы, но Сага, похоже, связана с твоей судьбой. Возможно, она откроет истины, которые ты так жаждешь найти. — Не дожидаясь

ответа, Харальд снова повернулся вперед и продолжил грести.

Мой гнев медленно угасал, оставляя после себя одну пустоту. Запрокинув голову, я уставилась на почерневшее небо и клубящиеся тучи, среди которых вспыхивали молнии. Чего бы я только не отдала за то, чтобы моя судьба была предначертана. Чтобы высшие силы уже определили ход моей жизни, чтобы ответственность за все, что я говорила, все, что делала, и все, чего я когда-либо хотела, можно было возложить на них.

Но две капли крови богинь в моих венах — одна от Хлин, другая от Хель — означали, что я сама отвечаю за последствия своих действий. Неудачи и успехи. Кошмары и сны. Любовь и ненависть.

Чего я хотела?

Этот вопрос запал мне в душу, потому что я нуждалась в ответе. Мне нужна была цель, которая вела бы меня вперед. Остаться там, где я была, той, кем я была, означало испепелить себя изнутри.

Мне нужна была правда.

Я хотела услышать лично о том будущем, которое предвидела Сага, потому что дети Одина не лгут. Хотела узнать историю о том, что произошло между ней и Снорри. Хотела получить ответ на вопрос о том, был ли Харальд злодеем, как мне говорили всю мою жизнь.

Но больше всего мне нужна была правда о том, кто я.

Встав на колени, я поползла вперед, пока не нашла свободное место рядом с рабом с сильно татуированными руками. Взявшись за весло, я вложила всю свою силу и посмотрела на скалистое побережье Нордланда. Ветер ослабел, море начало успокаиваться, и если Норны наблюдали за нами, я была уверена, что они боялись будущего, которое создали.

Потому что я была Фреей, Рожденной в огне. Дочерью Хлин. Дочерью Хель.

И я собиралась сама сплести свою судьбу.

Когда мы вытаскивали драккар на берег, над головой сияло чистое небо. Каждый мускул в моем теле болел, и я не чувствовал вины, когда оставил рабов Харальда разгружать судно и зашагал по земле, которая была для меня роднее, чем любая другая. Мы высадились на Штормнесе — мысе, вдававшемся в пролив, откуда в ясный день можно было увидеть Скаланд. Берег был узким и скалистым, за ним возвышались горы, покрытые густым лесом, вершины которых все еще оставались белыми от снега.

Опустившись на колени, я набрал горсть крупного песка и крепко сжал, наслаждаясь ощущением Нордланда и одновременно проклиная судьбу за то, что она вернула меня сюда.

— Судьба не властна над тобой, Бьорн, — сказал Харальд, проходя мимо меня по берегу и словно читая мои мысли. — Твоя судьба не предопределена, а значит, ты сам выбрал этот путь, даже если не знал, куда он приведет.

Я никогда не беспокоился о том, что люди с кровью богов могли изменить будущее, потому что это невозможно было доказать. Невозможно было узнать, изменил ли мой выбор узор, сплетенный Норнами, или я поступил именно так, как они предсказали. Все мои действия в последние дни были направлены на освобождение Фреи от тех, кто хотел убить ее или использовать для реализации собствен-

ных амбиций, но все, чего я добился, — это передал власть над ней от одного конунга другому.

— Мы здесь благодаря тебе, отец.

Он лишь с пониманием посмотрел на меня и пошел дальше по берегу к деревьям.

С пониманием, потому что нельзя было отрицать, что, когда мои планы увезти Фрею рухнули и она узнала о моем предательстве, я надеялся, что правда заставит ее простить мою ложь. Я надеялся, что манящий проблеск будущего, которого я так отчаянно желал, снова станет моим, когда она поймет, почему я поступил так, как поступил. Надежды мужчины, у которого дерьмо вместо мозгов, потому что никакая *правда* не сможет умерить кипящий гнев в сердце моей Фрей.

Она больше не твоя, шептала логика, хотя мое жадное сердце кричало, что она будет моей вечно.

Отбросив горсть песка, я встал и пошел за Харальдом к деревьям. Воздух был холоднее, чем в Скаланде, вонь гниющих водорослей смешивалась с бодрящим ароматом сосен, мшистая земля пружинила под моими сапогами. Ветер раскачивал ветви деревьев, лес оживлялся пением птиц и суетой мелких существ. Дикое место. Хотя лето здесь было достаточно мягким, немногим хватало духа пережить суровость зимы Нордланда.

Человек, который был мне отцом большую часть моей жизни, выбрал приглянувшийся камень и опустился на него. Харальд стянул сапоги, вытряхнул из них песок и отбросил в сторону. Пока я молча наблюдал за тем, как он снимает тунику и отжимает морскую воду из промокшей ткани, его бледная кожа посинела от холода. Он похудел, морщинки возле глаз и седые пряди в золотисто-каштановых волосах выдавали его возраст. Обычный мужчина, хотя за время, проведенное в Скаланде, я порой забывал об этом, поскольку Снорри всегда описывал его как существо, способное на сверхъестественное злодейство.

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

В Нордланде Харальд был спасителем. Освободителем и защитником слабых. Я своими глазами видел его добрые дела. Я был обязан ему жизнью, как и многие из тех, кто служил ему. И все же он был не больше героем, чем злодеем. Он был всего лишь человеком, а выбор человека не может быть полностью альтруистичным, тем более того, кто прошел путь от местного ярла до конунга.

— Ты снова говоришь как скаландец. — Харальд вздохнул и снова сжал ткань своей туники, капли воды упали на мох. — Это напоминает мне о том, как Сага впервые бежала в Нордланд с тобой, бредившим от боли ожогов. Ты был совсем мальчишкой, но даже тогда не плакал, только клялся отомстить Снорри за то, что он сделал. Мы с тобой вместе пересекли бы пролив и уложили Снорри в могилу, если бы твоя мать не удержала нас. Я желал смерти Снорри больше, чем чего-либо другого за всю свою жизнь, и все же Сага уговорила меня не делать этого. Я всегда был рабом ее желаний, но теперь жалею, что не проявил твердость.

— Я помню. — Я слышал акцент скаландца в своем голосе, но не мог избавиться от него, не прилагая значительных усилий. Я смирился с ним, чтобы лучше вписаться в Хальсар, чтобы скаландцы забыли, что меня не было столько лет, но ничего не вышло. Я всегда оставался чужаком. Всегда нордом.

Особенно в сердце.

Натянув влажную одежду, Харальд наконец посмотрел на меня. Его взгляд был тяжелым как всегда.

— Теперь, когда мы наконец остались наедине, ты не потрудишься объяснить мне почему?

Почему.

Вопрос, не требующий пояснений, и я глубоко вздохнул, прежде чем ответить:

— А это имеет значение?

Харальд покрутил золотое кольцо, скреплявшее его бороду, затем покачал головой:

— Имеет ли это значение? Конечно, мне важно знать, почему ты решил разрушить планы, которые мы строили всю жизнь. Я действовал по приказу твоей матери, по *твоему* приказу, и все же ты, кажется, готов плюнуть мне в лицо за то, что я поступил именно так, как ты хотел. Это были твои планы, Бьорн, а не мои, и все же ты относишься ко мне как к своему врагу.

— Ты мне не враг, отец. Но все меняется.

— О да. Все. — Харальд поморщился. — Вроде того, что дева щита оказалась женщиной несравненной красоты? Уродливых убивать гораздо легче, не так ли? Будь у Фрей лицо, похожее на лошадиную задницу, я не сомневаюсь, ты бы без колебаний выполнил волю своей матери, но этого не произошло. Снорри жив. Фрея жива. Угроза Нордланду так же реальна, как и раньше, потому что наши судьбы не изменились. И все из-за симпатичного личика.

— Ее внешность тут ни при чем. — Это была ложь, потому что я помнил, как впервые увидел Фрею. Солнечные лучи подчеркивали гнев на ее лице, когда она спасала рыбу за рыбой от вспыльчивого Враги, и каждая ее частичка кричала о неповиновении. Да, она была красива, но именно ее свирепость побудила меня пересечь фьорд, чтобы поговорить с ней. Одета в домотканое платье, вооруженная только словами, она была свирепее любого воина, которого я когда-либо встречал на поле боя. — Убивать ее было неправильно, — пробормотал я, не в силах облечь свои доводы в слова, которые не вызвали бы его насмешек. — Почему она должна умереть за преступления Снорри?

— Потому что твоя мать сказала, что это единственный способ спасти тысячи жизней, — ответил Харальд. — Хотя она не понимала, что делает Фрею столь опасной, Сага знала, что та обладает силой, способной разрушить и Нордланд, и Скаланд. Снорри — злодей, но дева щита — его оружие, и без нее он лишится возможности причинить реальный вред. Сага поручила тебе это задание, потому

ПРОКЛЯТИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КОСТИ

что твоя судьба не предначертана, ты обладаешь способностью менять будущее, которое показал ей Всеотец. Но когда тебе представилась возможность, ты не исполнил ее волю. Потому что тебе *показалось это неправильным*. — Его губы скривились от отвращения. — Или, может быть, потому, что ты думал членом, а не головой?

— Моя мама согласилась, что план нужно изменить, — парировал я. — Когда я говорил с ней во Фьяльлтиindre, она согласилась, что Фрея может пойти другим путем, если мы освободим ее от Снорри. Она не настолько кровожадна, чтобы желать смерти невинной женщине, когда возможен другой выход.

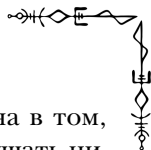
Харальд вздохнул:

— Сага не согласилась с тобой, Бьорн, она просто поняла, что ты влюблен в Фрею и не захочешь причинить ей вред. Она просила меня сделать это за тебя, но это была мольба матери, а не стратегия провидицы. Я всего лишь смертный человек, и мне не дано изменить будущее, предначертанное Норнами, а это означало, что мне суждено было потерпеть неудачу.

Он бросил на меня косой взгляд, говоривший о том, что ему известна моя роль в срыве покушения. Перед моим мысленным взором невольно возникла обнаженная по пояс Фрея, ее голова, увенчанная оленьими рогами и запрокинутая назад, когда я впервые попробовал ее на вкус. Я моргнул, прогоняя это видение, потому что та же угроза, от которой я защищал ее тогда, оставалась и сейчас.

— Значит, моя мать все еще желает смерти Фрей? Она все еще верит, что это единственный способ изменить будущее? — Потому что меньше всего я хотел, чтобы Фрея оставалась в Нордланде, если моя мать жаждала ее смерти.

В тысячный раз в своей жизни я беззвучно кричал — *почему я не могу просто убить Снорри и покончить с этим?*

Беззвучно, потому что мама была непреклонна в том, что убийство Снорри — не выход, и не желала слушать никаких доводов в пользу обратного.

— Я не знаю, что сейчас думает Сага по этому поводу и не послал ли ей Всеотец новые видения будущего. — Харальд уперся локтями в колени. — Я не видел ее долгие недели, потому что она вернулась в свою хижину после того, как мы покинули Фьяльтиндр. Ее истощает присутствие такого количества душ.

Неудивительно, моя мать всегда отчаянно нуждалась в уединении, и тяжесть видений трагичного будущего была больше того, чем могло вынести ее сердце. Я чуть не рухнул от потрясения, когда впервые увидел ее в Фьяльтиндре, но это не помешало мне позже тайком сбежать, чтобы попросить у нее совета.

Сквозь деревья я заметил людей, спешащих по берегу. На их щитах красовались синие полосы Нордланда и символ их ярла. Воины из флота Харальда, достигшие побережья раньше нас. А это означало, что короткий момент, когда я мог узнать о планах отца так, чтобы никто не подслушал, подошел к концу.

— Что ты собираешься делать с Фреей? — Прямой вопрос, требующий ответа. Харальд долгое время искал ее смерти, но все изменилось, когда он увидел, как она использует магию Хель. Невозможно было не заметить восторга в его взгляде, когда он узнал, на что она способна. Я подозревал, что теперь он планировал включить ее в свою семью детей богов, которую использовал для защиты берегов Нордланда. Он бы не отказался от такого смертоносного оружия, как Фрея, если бы у него был выбор.

Или если бы моя мать не попросила его поступить так, что было очень вероятно.

— Она опасна. — Харальд перевел взгляд с приближающихся воинов на Фрею, которая стояла у кромки воды под пристальным взглядом Торы. — Она обладает силой не толь-